

Е. А. Зайцева

РЕВИЗИЯ ПРЕЮДИЦИИ?

В статье дается краткий исторический экскурс по вопросу развития преюдиции в отечественном уголовном процессе; анализируются изменения ст. 90 УПК РФ в части ограничения преюдиции в уголовном судопроизводстве, внесенные федеральным законом от 29.06.2015 № 191-ФЗ; делается вывод об обусловленности этих изменений изъятиями из общего порядка доказывания при производстве в суде по уголовному делу, когда обвиняемый согласен с предъявленным обвинением, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, при производстве дознания в сокращенной форме.

Констатируется, что данные новеллы логичны и уместны, однако законодатель не до конца разрешил проблему пределов и содержания преюдиции, так как ее межотраслевой характер не учитывает специфику доказывания в иных видах судопроизводства — гражданском, арбитражном и административном процессе.

Ключевые слова: преюдиция, правовые позиции, принцип правовой определенности, независимость суда, стандарты доказывания, изъятия из общего порядка доказывания, оценка доказательств.

Е. А. Zaitseva

REVISION OF A PREYUDITION?

In article short historical digression on the issue of development of a prejudition in domestic criminal trial is given; the changes to art. 90 of Criminally-procedural code Russian Federation of in a part of the restriction of prejudice in criminal proceedings is analyzed; concludes that these changes conditionality general exemptions from the proving in a criminal trial with the consent of the accused as charged, at the conclusion of the pre-trial agreement on cooperation, when inquiry in the abbreviated form is carried out.

In article it is noted that these modifications are logical and pertinent, however the legislator not up to the end resolved a problem of limits and the maintenance of a prejudition, because its doesn't consider specifics of proof in other types of legal proceedings — civil, arbitration and administrative process.

Keywords: prejudition, legal positions, res judicata, independence of court, standards of proof, withdrawal from the general order of proof, an assessment of proofs.

Вопросы доказательственного права были и остаются актуальными не только для ученых-процессуалистов и правоприменителей. Их притягательность для законодателя несомненна, так как только совершенные по содержанию и форме выражения нормативные предписания способны обеспечить надежную правовую основу доказательственной деятельности при производстве по уголовным делам. Неслучайно разработка путей совершенствования основ доказательственного права всегда была приоритетной для федерального законодателя.

Одним из структурных компонентов этой подотрасли уголовно-процессуального права является институт преюдиции, реализация положений которого на практике нередко вызывает определенные сложности у

правоприменителей. При этом следует отметить, что за последние 7 лет именно институт преюдиции приковывал внимание не только законодателя, но и Конституционного Суда РФ, что с несомненностью подчеркивает особую значимость для доказывания данного нормативного положения. Концепция преюдиции отражает соотношение видов судопроизводств в государстве, доверие к судебным решениям, сходство или, наоборот, различие стандартов доказывания по уголовным, гражданским, арбитражным и административным делам. С учетом этого преюдициальный аспект — аспект политический, а не только законодательный или правоприменительный, так как в институте преюдиции находят преломление проблемы уголовно-правовой политики, проблемы

отношений собственности. Правильное разрешение на нормативном уровне вопросов преюдиции обеспечивает стабильность судебных решений и единство судебной системы Российской Федерации, позволяет снизить стоимость судопроизводства, обеспечить быстрое рассмотрение дел в разумные сроки. Однако наряду с этим верно подчеркивается проблемность преюдиции, заключающаяся «в том, что при ее применении могут вступать в коллизию два процессуальных принципа: общеобязательная сила судебных постановлений и внутреннее судебское убеждение при оценке доказательств» [1].

Институт преюдиции знаком отечественному законодательству давно: еще Устав уголовного судопроизводства 1864 г. закреплял правила предсудимости (или как принято в современном юридическом языке — преюдиции). Так, ст. 29 УУС устанавливала, что окончательное решение гражданским судом подлежащих его рассмотрению вопросов обязательно для уголовного суда только в отношении действительности и свойства события или деяния, но не в отношении виновности подсудимого [2]. Эта формула межотраслевой преюдиции была сохранена в обновленном законодательстве России постреволюционного периода: в УПК РСФСР 1922 г. [3], а затем и в УПК РСФСР 1923 г. [4] и с небольшой интерпретацией (в части детализации видов решений по гражданским делам) нашла свое отражение в ст. 28 УПК РСФСР 1960 г. [5].

Что касается первоначальной редакции УПК РФ 2001 г., то в ней были закреплены иные стандарты преюдиции: она стала внутриотраслевой (ограничила свое действие только судебными решениями, принятыми в рамках уголовно-процессуальной процедуры), и «мягкой», т. е. новая формулировка закона не содержала императивного требования к субъектам доказывания принимать без проверки любые обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором суда. Правоприменители могли самостоятельно решать вопрос о допустимости использования в доказывании обстоятельств, установленных судом по другому уголовному делу. Такая трактовка преюдиции (внутриотраслевая и мягкая) отражала реальное соотношение правил доказывания в различных видах судопроизводства.

Тем не менее указанные правила преюдиции подверглись радикальному изменению: современный облик преюдиции был предreshен правовыми позициями Конституционного Суда РФ [6; 7], который, стремясь обеспечить действие законной силы судебных решений, их общеобязательность и стабильность и исключить возможные конфликты различных судебных актов, принятых по одним и тем же обстоятельствам в рамках различных судебных процедур, принял эпохальное для преюдиции решение, придав ей межотраслевой характер и закрепив «жесткое» требование, адресованное к субъектам доказывания, о безоговорочном принятии без дополнительной проверки обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства.

Парадоксально, но правовая позиция КС РФ, сформулированная не в постановлении, а в определении Суда, и не в резолютивной части, а в описательно-мотивировочной части определения от 15.01.2008 № 193-О-П «По жалобе гражданина Суринова Татевоса Романовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» послужила своеобразным «толчком» для законодателя, который живо среагировал на это решение и в течение года принял Федеральный закон от 29.12.2009 № 383-ФЗ, скорректировав институт преюдиции. Данная оперативность в приведении законодательства в соответствие с правовой позицией Конституционного Суда РФ свидетельствует о живой заинтересованности законодателя

в установлении новых правил преюдиции. Указанный случай можно сравнить с «быстротой» его реакции на постановление КС РФ от 11.05.2005

№ 5-П «По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива „Содействие“, общества с ограниченной ответственностью „Карелия“ и ряда граждан» [8]: законодателю понадобилось почти четыре года для принятия Федерального

закона от 14.03.2009 № 39-ФЗ «О внесении изменений в статьи 404 и 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»!

Эта быстрота реакции законодателя и такой радикальный «разворот на 180 градусов» института преюдиции свидетельствуют о чрезвычайной важности должного регулирования вопросов преюдиции в современных политических и экономических условиях. На данное обстоятельство обратил внимание в свое время П. А. Скобликов, который с опасением констатировал: «Исходя из позиции КС РФ, гражданское судопроизводство становится теперь обязательной частью уголовного. Происходит подмена принципов уголовного судопроизводства принципами гражданского, актов уголовного судопроизводства — актами гражданского. Уголовное судопроизводство в значительной мере утрачивает свою самостоятельность» [9].

П. А. Скобликов вполне резонно отмечал, что стандарты доказывания в уголовном судопроизводстве значительно «выше», чем в гражданском и арбитражном процессе. Если проанализировать нормы Арбитражного процессуального кодекса РФ в части освобождения от доказывания обстоятельств, признанных сторонами, то можно выявить причину такой озабоченности: так, в ч. 2 ст. 70 АПК РФ говорится: «Признанные сторонами в результате достигнутого между ними соглашения обстоятельства принимаются арбитражным судом в качестве фактов, не требующих дальнейшего доказывания». Эти положения означают, что на данных фактах будет основано решение суда по арбитражному делу, которое в случае его вступления в законную силу становится обязательным и для следователя, дознавателя, прокурора и суда в уголовном судопроизводстве.

Сравнение гарантий получения достоверных сведений в уголовном процессе и административном судопроизводстве тоже «не в пользу» положений КоАП РФ: за дачу заведомо ложных показаний и заключений участники производства по делу об административном правонарушении несут административную ответственность (ст. 17.9 КоАП РФ предусматривает наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей), а за аналогичные деяния в уголовном судопроизводстве им грозит

уголовная ответственность по ст. 307 УК РФ (например, ч. 2 указанной статьи предусматривает наказание — принудительные работы на срок до пяти лет либо лишение свободы на тот же срок).

Таким образом, тезис о более «высоких» стандартах доказывания в уголовном судопроизводстве по сравнению с процедурами доказывания в иных видах судопроизводства указывает на необходимость учета этих особенностей при применении преюдиции: доказательствам, полученным в рамках уголовно-процессуальных отношений, безусловно, по формальным критериям можно доверять в большей степени, чем доказательствам, сформированным в условиях применения положений ч. 2 ст. 70 АПК РФ.

Однако законодатель воспринял правовую позицию Конституционного Суда РФ по делу Т. Р. Суринова буквально — без учета вышеописанной специфики доказывания в различных видах судопроизводства. Это создало в ряде случаев непреодолимые препятствия для правоприменителей при производстве по уголовным делам. Полагаем справедливым утверждение ряда авторов, что действующая формулировка ст. 90 УПК РФ ограничивает свободу усмотрения судей, диссонирует с принципом свободной оценки доказательств, закрепленным в ст. 17 УПК РФ [10, с. 157], что «принцип *res judicata* не должен превращаться в препятствие для справедливого разрешения судебных дел в соответствии с присущими им процедурами доказывания» [1].

Вероятно, поэтому Конституционный Суд РФ еще раз разъяснил свою правовую позицию по вопросу о пределах преюдиции и способах ее преодоления в постановлении от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко» [11].

Конституционный Суд РФ уточнил, что «Вводя правила оценки доказательств в уголовном судопроизводстве, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 17) исходит из принципа свободы оценки доказательств, в котором воплощается в том числе независимость суда, с учетом которой — как следствия самостоятельности судебной власти — федеральный законодатель реализует свои дискреционные полномочия при выборе

конкретных форм и процедур осуществления правосудия, определяет пределы действия преюдициальной силы судебных решений, обеспечивающей их общеобязательность, стабильность и непротиворечивость. При этом закрепление в процессуальном законе преюдициального значения обстоятельств по ранее рассмотренному делу не означает предопределенности окончательных выводов суда по уголовному делу ранее состоявшимся судебным решением, принятым в другом виде судопроизводства в иных правовых процедурах» [11].

Последняя фраза свидетельствует о том, что Конституционный Суд пытался в указанном решении добиться баланса между принципом правовой определенности и принципами свободы оценки доказательств и независимости суда в уголовном судопроизводстве. Конституционный Суд РФ подчеркнул, что в качестве единого способа опровержения (преодоления) преюдиции во всех видах судопроизводства должен признаваться пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам.

Безусловно, такой способ преодоления преюдициальности решения, вынесенного в рамках арбитражного или гражданского процесса, весьма продолжителен во времени, что несколько ограничивает право граждан на разрешение дела в разумный срок. Тем не менее именно указанный способ определен Конституционным Судом РФ безальтернативно — для случаев, когда причиной судебных ошибок становятся преступления против правосудия (именно в таком контексте КС РФ толковал ситуацию по делу В. Д. Власенко и Е. А. Власенко).

Попытку «просчитать» действия «честной стороны» в подобном споре предпринял Н. Азаренок, который вполне убедительно доказал сложность и продолжительность применения алгоритма, предложенного Конституционным Судом РФ [12].

Именно поэтому, полагаем, совершенно прав Д. М. Нурбаев, который считает, что «при оценке доказательства, полученного посредством использования межотраслевой преюдиции, в случае если в уголовном процессе ставятся под сомнение обстоятельства, им установленные, предпочтение должно отдаваться положениям ст. 17 УПК РФ и доказательствам, собранным средствами уголовного процесса» [13, с. 9]. Такой

подход отражает объективное состояние стандартов и принципов доказывания в уголовном судопроизводстве и иных видах судопроизводства (наиболее жесткие требования к допустимости доказательств сформулированы отечественным законодателем применительно к уголовно-процессуальной отрасли права).

Неслучайно сам Конституционный Суд РФ в п. 3 постановления № 30-П от 21 декабря 2011 г. подчеркнул: «...предмет исследования в каждом виде судопроизводства имеет свои особенности, исходя из которых определяются не только компетентный суд, но и специфика процессуальных правил доказывания по соответствующим делам, включая порядок представления и исследования доказательств, а также основания для освобождения от доказывания» [11].

И вот «на фоне» таких правовых позиций Конституционного Суда РФ законодатель 29.06.2015 принимает Федеральный закон № 191-ФЗ [14], которым уточняются пределы действия преюдиции: не обладают преюдициальным значением приговоры судов, вынесенные в особом порядке судебного разбирательства:

а) при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (гл. 40 УПК РФ);

б) при рассмотрении уголовного дела в отношении обвиняемого, с которым было заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ);

в) при рассмотрении уголовного дела, дознание по которому производилось в сокращенной форме (ст. 226.9 УПК РФ).

Что послужило основанием для признания подобных приговоров «непригодными» для института преюдиции? Очевидным сходством для них выступают изъятия из общего порядка доказывания, установленного УПК РФ, которые образуют специфику производства по уголовным делам указанных трех категорий. При этом для особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве характерным является упрощение процедуры доказывания в суде (при полноте отражения доказательственного материала в уголовном деле).

Что же касается сокращенной формы дознания, то эти изъятия из процедуры доказывания проявляют себя еще в досудебном

производстве в виде минимальных требований к выявлению обстоятельств дела, достаточных для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления (ст. 226.5 УПК РФ).

Именно из-за указанной специфики при невозможности продолжения рассмотрения уголовного дела в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением по делу, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве или дознание по которому производилось в сокращенной форме, законодатель и дифференцирует дальнейшие решения суда: по первым двум формам возможно назначение судебного разбирательства в общем порядке (так как доказательственная база для этого достаточна), а по делу, по которому доказательства собирались в минимальном объеме при сокращенном дознании, будет осуществляться дознание в общем порядке — для сбора необходимых доказательств.

Таким образом, причиной исключения судебных решений, постановленных в особом порядке судебного разбирательства, из числа решений, обладающих преюдициальным значением, является упрощенный порядок доказывания в досудебном и судебном производстве, что ставит под сомнение обоснованность окончательных выводов суда, которые нельзя использовать без дополнительной проверки в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессе.

Но если законодатель «озаботился» соблюдением стандартов доказывания для решений, обладающих преюдициальной силой, возникает закономерный вопрос: почему он обратил внимание только на эти три вида приговоров судов, вынесенных именно в уголовном судопроизводстве? Как мы ранее указывали, стандарты доказывания в арбитражном и гражданском процессе менее жесткие, чем в уголовном судопроизводстве. В административном судопроизводстве в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ также начнут действовать положения, напоминающие по своим установлениям правила ст. 70 АПК РФ. Кроме того, согласно ч. 5 ст. 77 Кодекса административного судопроизводства РФ, равно

как и согласно ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, в случае уклонения стороны от участия в экспертизе, непредставления экспертам необходимых документов и материалов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам административного дела без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для данной стороны экспертиза имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым, т. е. принять решение, которое может не соответствовать реальному положению дел. Данные нормативные установления также подтверждают наш тезис о «заниженных» стандартах доказывания в этих видах судопроизводства.

С учетом вышеизложенного следует констатировать, что законодатель предпринял правильные шаги в направлении ограничения действия института преюдиции, однако оказался недостаточно последовательным в окончательном решении этой важной для доказывания проблемы.

Список библиографических ссылок

1. Резник Г. М. Стандарты доказанности и межотраслевая преюдиция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iuaj.net/node/625> (дата обращения: 03.03.2011).
2. Устав уголовного судопроизводства 20 ноября 1864 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 03.08.2015).
3. Об Уголовно-процессуальном кодексе: постановление ВЦИК от 25.05.1922 (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) // СУ РСФСР. 1922. № 20—21. Ст. 230.
4. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 15.02.1923 (вместе с Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР) // Известия ВЦИК. 1923. № 37.
5. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (вместе с Кодексом): закон РСФСР от 27.10.1960 // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.
6. По жалобе гражданина Суринова Татевоса Романовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации № 193-О-П от 15 января 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Суринова Татевоса Романовича о разъяснении определения Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2008 г. № 193-О-П [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2009 г. № 366-О-Р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»..
8. По делу о проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива «Содействие», общества с ограниченной ответственностью «Карелия» и ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2005 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.
9. Скобликов П. А. Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2009. URL: http://www.juristlib.ru/book_3788.html (дата обращения: 03.08.2015).
10. Ашуров В. К. Следственная и судебная практика и их роль в обеспечении правильного применения норм уголовно-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2015.
11. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко: постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2012. № 1.
12. Азаренок Н. Конституционно-правовые основы преюдиции в уголовном судопроизводстве // Уголовное право. 2012. № 4. С. 50—57.
13. Нурбаев Д. М. Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве (по материалам проверки и уголовным делам о преступлениях в сфере экономики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2014.
14. О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 29.06.2015 № 191-ФЗ // СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3982.